

УДК 811.111'42

**Философский дискурс в отдельном интеллектуальном пространстве:
к вопросу о национальной специфичности языка философии**

Малиновская И.В.

*Центр научных исследований и преподавания иностранных языков
НАН Украины, г. Киев, Украина*

Статья посвящена роли английского языка как фактора формирования национальной и мировой философской науки. Анализируются некоторые особенности общего английского языка, которые способствуют эффективной вербализации философских понятий и суждений. Критикуется гипотеза о замкнутости английского философского дискурса благодаря специфичности метаязыка, основанного на «языке здравого смысла».

Ключевые слова: язык философии, философский дискурс, метаязык философии, вербализация понятий.

*Most of our experience of the world, and most of our desires,
belong to our individual points of view [5].*

Актуальность. Универсальность научного пространства XXI столетия неизбежно сказывается на универсализации его языка, причем эти процессы приобретают всеобщий характер, распространяясь на все типы языковых единиц и категории дискурса [3, с. 188-189] Философский же дискурс, характеризуясь логической универсальностью, до сих пор обнаруживает все проявления национальной специфичности в европейских языках. Именно языковые различия стали основанием для авторов «Европейского словника філософій» назвать свой труд именно так, используя множественное число слова *философия* [2]. Расщепление мирового интеллектуального дискурса философии по национальным «квартирам» неизбежно повлекло бы за собой признание отдельности каждого национального метаязыка, что отчасти и попытались сделать авторы упомянутого словаря. *Цель.* Данная статья представляет собой попытку критически осмыслить аргументацию творческого коллектива, создавшего Словарь, и определить свои позиции относительно национальной специфичности английского языка философии.

Прежде всего, сошлемся на распространенное мнение по данному вопросу, сложившееся в профессиональных философских кругах, в свете которого позиция авторов Словника представляется далеко неоднозначной. Проиллюстрируем это высказыванием Ж. Деррида, который отрицает наличие отдельных национальных «философских пейзажей»: «... я не думаю, что можно установить простое соответствие между национальной философской традицией и языком в повседневном смысле этого слова» [1, с. 8-9]. Обозначенные позиции находят свое подтверждение, равно как и отрицание в языковых фактах разноязычных философских дискурсах, в очередной раз демонстрируя

их универсальный диалектический характер. Рассмотрим некоторые очевидные общие особенности, определяющие философский язык как таковой. Это, прежде всего, наличие терминов, которые, перетекая в нарратив своих национальных языков, превращаются в философемы; универсальным есть диалогичность философского языка, то есть, – непосредственные диалогические вставки в текст философского произведения или специфические монологические высказывания с имплицитной интертекстуальной связью; универсальными являются аналитичность философского изложения и наличие определённой доли метафоричности высказываний. Главной же универсальной характеристикой любого философского языка есть то, что он не является искусственным конструктом, а базируется на обыденном языке. Именно последнее и превращает философский язык науки в свою кажущуюся противоположность: философствование представляется возможным на любом бытовом языке. Ведь всякий может разглагольствовать о *смысле жизни, душе и свободе, справедливости и морали, ценностях и обществе, знании и познании* – всё том, что составляет суть философских исканий. В связи с этим в мировой философии давно развернута целая дискуссия по поводу необходимости создания особого философского языка, свободного от повседневности.

В этом плане английский язык философии является определённым исключением, поскольку трактовался Дж. Остином и другими представителями лингвистической философии, сформулировавшей т.н. «лингвистический поворот», именно как язык повседневности, а не сконструированный инструмент анализа самого себя. Эта философская традиция сконцентрировала познание бытия на познании самого языка, смыслы и формы которого должны дать ответы на то, каким способом формируется мысль, как работает человеческое мышление и как соотносятся индивидуальные смыслы его с общественным сознанием. Однако и лингвистическая философия сталкивается с тем же непреодолимым для сегодняшней философской мысли противоречием: познавая бытие человека через язык, философия загоняет себя в тупик из-за «несовершенства» своего языка, равно как и ввиду невозможности создать исключительно логизированный метаязык философии. И всё же, язык английской философии в большей мере, чем другие национальные языки избавляется от упомянутого несовершенства путём отказа от жаргона, эзотерической речи, сложных метафизических построений, переняв у обыденного языка его *common sense* (здравый смысл). Превращаясь, как и в области языка науки как такового, в универсальный язык интеллектуального дискурса, английский язык балансирует между «бестелесностью» рационального метаязыка и «живою тканью» повседневного: “*Consider voices again. We entertained the proposal to admit voices into our ontology because under some circumstances ‘there is a voice...’ rings true in the ear, but there are better reasons for denying them. If the anatomist or physiologist or acoustician were to be concerned because among all the things encompassed by his theories there still were no voices; if he were to suppose this meant he had left something out, something perhaps even inaccessible to science, he would have been confused by our admitting voices in our ontology” Then is it the lungs? No. Is it a stream of air? No. Is it a sound? No. Then it must be other thing I have not yet examined* [4, p. 12-13].

Приведенный пример иллюстрирует органичное вплетение в текст, отвечающий по своим структурным и лексическим характеристикам научному стилю, единиц общего языка и даже риторических фигур, присущих устным жанрам.

В рамках небольшой статьи мы, безусловно, не ставили своей задачей провести компаративные исследования различных языков национальных философий, говоря словами авторов вышеупомянутого словаря, что позволило бы более полно предста-

вить диалектику логической универсальности и онтологической национальной специфичности языка философии, его глобального характера и «детерриториализации», по определению Деррида. Цель данного исследования ограничивается уяснением вопроса о том, существуют ли некие национально специфические особенности английской философии, репрезентированные английским философским языком.

Подчеркивая особое взаимодействие английской философии и английского же языка, Л. Витгенштейн считал, что погружённая в национальный (английский) язык, философия существует в своей природной среде, что подвигло и самого гениального философа в поздний период его творчества перейти на написание своих работ на английском языке. Представители лингвистической философии – Д. Юм, Дж. Беркли, Дж. Бентам, Дж. Мур, Л. Витгенштейн, Дж. Остин неоднократно утверждали, что английский язык предоставляет уникальные ресурсы для максимально точной передачи философской рефлексии. Это особенно касается категории агентности (наличие редуцированного агента или его полный эллипсис) субстантивации (нулевая субстантивация), номинализации (номинализация высказывания), словообразования.

Рассмотрим перечисленное более детально. Авторы Словника считают, что категория пассива в английском уникальна тем, что позволяет продуцировать высказывания о действии с неизвестным или несущественным агентом или же наоборот известным, но настолько очевидным, что называть его было бы избыточным. Имеются в виду примеры следующего типа:

*No such compassion would **have been shown** to a student who claimed that his genes made it impossible for him to master symbolic logic. Toward the end of my time at Princeton, around 1980, the philosophy department abolished the foreign language requirement for graduate students altogether. That step would **have been unthinkable** thirty years before [6].*

*What is not obvious **may nevertheless be shown** in the end to be justified, or at least worth investigating [4, p. 9].*

Вместе с тем, нельзя утверждать, что категория редуцированного субъекта вербализируется с помощью форм пассивного залога исключительно в философском тексте – это способ не менее частотен в научном тексте как таковом, а у некоторых англоязычных философских авторов (например, у П. Уодраффа) практически не задействован и является, в определенной мере, идиалектным предпочтением. Что касается других европейских языков, то у них имеется несколько иной, но вполне эффективный набор соответствующих языковых средств.

Следующим уникальным ресурсом для выражения философской рефлексии является герундий, причастия настоящего времени и формы продолженного действия английского глагола, то есть все те формы, которые строятся при помощи оператора -ing. Английский язык – язык номинализации. Фактически любой глагол может обрести форму номинатива без его субстантивации, то есть особенности глагола сохраняются, а всё высказывание номинализируется. Герундий функционирует как универсальный эквивалент, обменник грамматических форм. Тем самым он не только способствует динамичности речи, вводя в неё значения временного потока, но и придаёт ей артикуляционную неопределённость. Наглядный пример находим у Д. Деннета: способы выражения агентности и употребления герундия позволяют выразить рефлексии над самими событиями без рефлексии над фактами, минимизируют разрыв между объектом и субъектом действия:

*There seems to be point, and truth, **in saying** that there really are no sakes or dints, rather less point and truth in denying the existence of miles and degrees Fahrenheit, and a great deal that is implausible **in denying** the existence of voices [4, p. 9].*

Answering yes or no to an ontological question only begins to have some point when we have decided that granting the existence of something licenses us to ask (and expect answers to) certain very general questions about it, e.g., what sort of thing is it?, does it exist in time?, and especially, is it identical with x? [4, p.12]. Операция добавления суффикса *-ing* к глаголу придаёт ему переходный статус существительного, но сохраняет все синтаксические и семантические черты, присущие глаголу, то есть не субстантивирует его полностью. Преобладание в английском языке глагольных форм и глагольных смыслов над существительными чётко проявляет все особенности логики, которой руководствуется философ при разворачивании дискурса афективности в английском языке.

Приведенные примеры вполне типичны для современных английских философов, тексты которых буквально изобилуют герундием. Но и в других языках находятся менее компрессивные, но не менее адекватные способы передачи процессуальности, динамичности, ситуативной нерасчлененности субъекта и объекта действия.

Авторы Словника, вслед за представителями лингвистической философии, утверждают, что английский философский язык пользуется ресурсами обыденного языка даже при именовании своих абстрактных базовых концептов *truth, reality, being, mind, knowledge u m.д.* Однако, этот совершенно верный тезис в той же степени, в которой он справедлив по отношению к английскому, справедлив и относительно любого другого европейского языка. Именно обыденный язык, с закрепленной в нем мудростью предыдущих поколений, с воплощенными в нем различиями в понятиях и их словесных обозначениях, является источником инструментария для философского рассуждения о важных для нее предметах: бытии и сознании, о чем неоднократно говорили великие – от Аристотеля до Мамардашвили.

Ещё одной особенностью английского языка, удобной для выражения философских понятий, признается ограниченность флективных морфологических форм, с одной стороны, и свобода конструирования различных дериватов – с другой. Это такие номинативные дериваты от прилагательных, которые образованы с помощью суффиксов *-ity, -hood, -ness, -y*, например, *nothingness, wholeness, sameness, otherness, innerness, vageness, goodness, rightness, ordinariness, appropriateness, unaccountability, compositionality*. Вместе с тем, и в других европейских языках используются аналогичные суффиксальные способы образования абстрактных существительных.

Относительно справедливым представляется и вывод авторов Словаря о том, что современная англоязычная философия стремится использовать стилистически нейтральный язык, удобство и простота которого соблазняет многих философов других европейских стран создавать свои произведения на английском языке, используя присущие ему специфические формы в качестве некоего философского жаргона. Представляется, что многочисленные, масштабные и широко известные исследования о современной роли английского языка как международного, дают основания считать, что не только «простая сложность английского языка, то есть её трудновоспроизводимость в переводах», но целый комплекс лингвистических и социолингвистических факторов стал причиной его универсализации в конце XX ст.

Выводы. Таким образом, оставляя вопрос о национально-специфичном характере философии для самой философии, нам хотелось бы сосредоточиться на объективном исследовании особенностей философского дискурса в пространстве английского языка, тем более что подобных разработок практически не существует ни в отечественной, ни в мировой лингвистике.

Список литературы

1. Деррида Ж. Есть ли у философии свой язык? [Электронный ресурс] / Ж.Деррида // Электронный альманах о человеке. - Antropolog.ru, 2011. – Режим доступа: <http://www.antropolog.ru/doc/library/derrida/derrida>
2. Європейський словник філософій: Лексикон неперекладностей / під керівництвом Б. Кассен. – Том перший. – К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2009. – 576 с.
3. Малиновська І.В. Універсалізація термінології XXI століття: особливості вербалізації концептів у просторі англомовного дискурсу про складність / І.В. Малиновська // Лінгвістика XXI століття: нові дослідження і перспективи / НАН України. Центр наук. досліджень і викладання іноземних мов; редкол.: А.Д.Белова (голов.ред.) та ін. – К.: Логос, 2007. – №2. – С. 189-199.

Источники иллюстративного материала

4. Dennett D. Content and Consciousness / Daniel C. Dennett. – New-York: Routledge, 2010. – 241 p.
5. Nagel T. Equality and partiality/ T. Nagel. – New-York: Oxford University Press, Inc., 1991 – 186 p.
6. Rorty R. Analytic Philosophy and Transformative Philosophy / R. Rorty. – 1999 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://evans-experientialism.freewebspace.com/rorty02.htm>

Малиновська І.В. Філософський дискурс в окремому інтелектуальному просторі: до питання про національну специфічність мови філософії // Ученіє записки Таврического національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т.25 (64). – № 1. Частина 1. – С. 350-354.

Стаття присвячена ролі англійської мови як фактору формування національної та світової філософської науки. Аналізуються деякі особливості загальної англійської мови, які сприяють ефективній вербалізації філософських понять і суджень. Критикується гіпотеза щодо замкненості англійського філософського дискурсу завдяки специфічності метамови, що ґрунтується на “мові здорового глузду”.

Ключові слова: мова філософії, філософський дискурс, метамова філософії, вербалізація понять.

Malynovska I. Philosophical discourse in a separate intellectual area: on national specificity of the language of philosophy // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communications». – 2012. – V.25 (64). – № 1. Part 1. – P.350-354.

The article focuses on the role of English as a factor in the formation of national and world philosophy. Analyzed have been a number of the common English language peculiarities, which effectively verbalize philosophical concepts and judgments. Critical consideration has been given to the hypothesis of the English philosophical discourse to be isolated due to the specificity of the metalanguage, based on «the common sense language».

Key words: language philosophy, philosophical discourse, metalanguage of philosophy, verbalization of concepts.

Поступила в редакцію 10.04.2012 г.